

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2026-7-9-43

Генезис педагогики активного долголетия: предпосылки, этапы и современное состояние

Т.М. Резер

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: t.m.rezer@urfu.ru*

М.А. Ключев

*Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: max.klyuev@gmail.com*

✉ *max.klyuev@gmail.com*

Аннотация. *Введение.* В настоящее время происходит становление педагогики активного долголетия: в предметном поле педагогики появляются новые функции, формируются новые инструменты педагогического влияния, обеспечивающие результативность обучения человека в старшем возрасте. В статье проведен междисциплинарный комплексный анализ становления педагогики активного долголетия в России и за рубежом. *Цель* данной статьи – изучение генезиса педагогики активного долголетия и теоретическое обоснование этапов ее становления. *Методология, методы и методики.* Методология исследования включает междисциплинарный и комплексный подходы к анализу теоретических источников и практических наработок. При рассмотрении теории и практики педагогики активного долголетия использовались следующие методы: метод теоретического анализа при изучении теории и практики педагогики активного долголетия в России и за рубежом; метод правового анализа при изучении международных и российских правовых актов и документов; метод сравнительного анализа при сопоставлении зарубежной и отечественной траекторий становления педагогики активного долголетия и метод обобщения при оформлении полученных результатов. *Результаты и научная новизна.* Анализ генезиса педагогики активного долголетия в России и за рубежом позволил определить траектории развития данного социально-педагогического феномена. При оценке уровня развития педагогики активного долголетия с позиций разных наук и предметов исследований установлено, что в зарубежных и отечественных научных источниках отсутствует понятие «педагогика активного долголетия». Предложена авторская трактовка данного понятия. Разработана классификация этапов становления педагогики активного долголетия. *Практическая значимость.* Предлагаемая трактовка понятия «педагогика активного долголетия» и классификация этапов ее становления могут быть использованы в педагогической практике для методического и технологического обеспечения процесса обучения активному долголетию граждан пожилого возраста.

Ключевые слова: педагогика активного долголетия, граждане пожилого возраста, активное старение, теории активного старения, теории активного долголетия

Благодарности. Авторы выражают благодарность руководству Школы государственного управления и предпринимательства УрФУ и рецензентам журнала «Образование и наука» за замечания, позволившие улучшить структуру и содержание данной статьи.

Для цитирования: Резер Т.М., Ключев М.А. Генезис педагогики активного долголетия: предпосылки, этапы и современное состояние. *Образование и наука*. 2026;28(7):9–43. doi:10.17853/1994-5639-2026-7-9-43

The genesis of the pedagogy of active longevity: prerequisites, stages, and current status

T.M. Rezer

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation.
E-mail: t.m.rezer@urfu.ru*

M.A. Klyuev

*Ekaterinburg, Russian Federation.
E-mail: max.klyuev@gmail.com*

✉ *max.klyuev@gmail.com*

Abstract. *Introduction.* At present, the pedagogy of active longevity is taking shape: new roles are emerging within the field, and innovative methods of pedagogical influence are being developed to enhance the effectiveness of education for older adults. This article provides a comprehensive interdisciplinary analysis of the development of the pedagogy of active longevity both in Russia and internationally. *Aim.* The present research *aims* to examine the origins of the pedagogy of active longevity and to provide a theoretical foundation for the stages of its development. *Methodology and research methods.* The research methodology employs interdisciplinary and integrated approaches to analysing theoretical sources and practical developments. In examining the theory and practice of the pedagogy of active longevity, the following methods were utilised: theoretical analysis to study the theory and practice of the pedagogy of active longevity in Russia and abroad; legal analysis to examine international and Russian legal acts and documents; comparative analysis to juxtapose foreign and Russian trajectories in the development of the pedagogy of active longevity; and synthesis to present the results obtained. *Results and scientific novelty.* An analysis of the origins of the pedagogy of active longevity in Russia and abroad has enabled the identification of the developmental trajectories of this socio-pedagogical phenomenon. In assessing the level of development of the pedagogy of active longevity from the perspectives of various disciplines and research subjects, it was found that the concept of “pedagogy of active longevity” is absent from both foreign and Russian scholarly literature. Consequently, an original interpretation of this concept is proposed. Furthermore, a classification of the stages in the development of the pedagogy of active longevity has been developed. *Practical significance.* The proposed interpretation of the concept of the “pedagogy of active longevity” and the classification of its developmental stages can be utilised in pedagogical practice to offer methodological and technological support for teaching active longevity to older adults.

Keywords: pedagogy of active longevity, older adults, active ageing, theories of active ageing, theories of active longevity

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the leadership of the School of Public Administration and Entrepreneurship at Ural Federal University. The authors also thank the reviewers of the Education and Science Journal for their comments, which helped to improve the structure and content of the material presented in this paper.

For citation: Rezer T.M., Klyuev M.A. The genesis of the pedagogy of active longevity: prerequisites, stages, and current status. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2026;28(7):9–43. doi:10.17853/1994-5639-2026-7-9-43

Введение

Старение населения – одна из главных проблем развития общества в XXI в. К 2030 г. численность людей в мире в возрасте 60 лет и старше достигнет 1,4 млрд человек, а к 2050 г. – 2,1 млрд, при этом доля лиц старше 80 лет увеличится в три раза – до 426 млн^{1,2}. В России доля лиц старше трудоспособного возраста на 1 января 2022 г. составила 24 % от общей численности населения. К 2046 г. она достигнет уже 26,9 % (средний вариант прогноза)³. Актуальность темы нашего исследования обусловлена четырьмя обстоятельствами.

Во-первых, старение населения оказывает комплексное влияние на экономику и систему социальных гарантий, предоставляемых государством. В 2024 г. на пенсионное обеспечение было направлено 11,1 трлн руб., т. е. около 5,5 % от номинального ВВП^{4,5}. Кроме того, увеличивается нагрузка на систему здравоохранения (например, в странах Организации экономического сотрудничества и развития расходы на медицинское обслуживание лиц старше 65 лет составляют до половины всех медицинских расходов, что подтверждает более высокую стоимость ведения пациентов старших возрастов^{6,7}. В России рост числа случаев хронических неинфекционных заболеваний, онкологических заболеваний и увеличение объема потребления медицинских услуг фиксируются в группе лиц старше 60 лет^{8,9}. Данное обстоятельство указывает на необходимость сохранения у пожилых активности, формирования у них навыков поддержания здоровья и самоэффективности, что требует подготовки специалистов новой квалификации.

¹ *World Population Prospects 2022: Summary of Results*. New York: United Nations; 2022. Accessed January 15, 2026. <https://www.un.org/development/desa/pd/content/World-Population-Prospects-2022>

² *Ageing and Health: Fact Sheet*. Accessed January 15, 2026. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>

³ Демографический прогноз до 2046 года (средний вариант). Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 15.01.2026).

⁴ Госдума приняла закон об исполнении бюджета Социального фонда России за 2024 год. Режим доступа: https://sfr.gov.ru/press_center/news/~2025/07/09/273664 (дата обращения: 15.01.2026).

⁵ Росстат осуществил вторую оценку ВВП за 2024 год. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/258152> (дата обращения: 15.01.2026).

⁶ *Health at a Glance 2023: OECD Indicators*. Paris: OECD Publishing, 2023. 234 p. Accessed January 15, 2026. https://www.oecd.org/en/publications/health-at-a-glance-2023_7a7afb35-en/full-report.html

⁷ *Is Care Affordable for Older People?* Paris: OECD Publishing, 2024. 129 p. Accessed January 15, 2026. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/10/is-care-affordable-for-older-people_43625a72/450ea778-en.pdf

⁸ *Злокачественные новообразования в России в 2023 году (заболеваемость и смертность)* / под ред. А. Д. Каприна [и др.]. Москва: МНИОИ им. П. А. Герцена – филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России, 2024. 76 с. Режим доступа: <https://oncology-association.ru/wp-content/uploads/2024/08/zis-2023-elektronnaya-versiya.pdf> (дата обращения: 15.01.2026).

⁹ Васильев М.Д. Медико-демографические показатели населения старше трудоспособного возраста // *Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний*. 2023;12(4S):131–140. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-demograficheskie-pokazateli-naseleniya-starshe-trudosposobnogo-vozrasta/viewer> (дата обращения: 15.01.2026).

Во-вторых, изменяется социальная роль старшего поколения. Современные общества сталкиваются с необходимостью продления у пожилых людей рабочих карьер, обновления профессиональных навыков, повышения цифровой грамотности, а также активного погружения их в культурные, образовательные и гражданские виды деятельности. Иными словами, *формируется государственный и социальный запрос на научно-теоретическое и научно-педагогическое осмысление и становление педагогики активного долголетия.*

В-третьих, международные организации переводят акцент с сугубо медицинской точки зрения на проблему здорового и активного долголетия на ее междисциплинарное решение. Например, провозглашенное ООН и ВОЗ «Десятилетие здорового старения 2021–2030» фиксирует четыре взаимосвязанных направления деятельности: 1) борьба с эйджизмом; 2) создание возрастно-дружественной среды общения; 3) формирование интегрированной медико-социальной помощи; 4) развитие систем долговременного ухода при обязательном участии самих пожилых людей как субъектов изменений. В документе подчеркивается, что общество, где каждый человек может жить дольше и оставаться здоровым, требует *совместных действий в области образования, здравоохранения, труда и социальной политики* (курсив наш. – Авт.)¹.

В-четвертых, усиливается международная повестка *непрерывного образования*. Так, ЮНЕСКО трактует термин *lifelong learning* как право человека на обучение на протяжении всей жизни *в любом возрасте и в разных контекстах*, подчеркивая, что старение населения усиливает потребность в создании условий, обеспечивающих пожилым людям возможность обучения на протяжении всей жизни². Для социальных групп в возрасте старше 55 лет это означает необходимость развития различных *образовательных форм*, ориентированных на цифровую и медико-социальную грамотность, управление здоровьем, саморегуляцию и волонтерство, что поддерживает когнитивную и психологическую устойчивость, а также социальную и профессиональную активность.

В России государственные приоритеты в данной сфере общественных отношений в качестве национальной цели закрепляют необходимость увеличения ожидаемой и здоровой продолжительности жизни людей, что требует создания комплексных условий для активного долголетия.

Например, в национальном проекте «Продолжительная и активная жизнь» намечено создание в стране в течение 2025–2036 гг. условий, способствующих повышению качества и продолжительности активного долголетия граждан. В данном проекте предусмотрено не только развитие системы профилактики заболеваний, но и *обучение* формированию у пожилых людей мотивации к здоровому образу жизни, к поддержке активного долголетия и к участию в социальной и трудовой сферах деятельности³. Одним из базовых направлений

¹ *Decade of Healthy Ageing 2021–2030: Baseline Report*. Geneva: World Health Organization; 2020, 18 p. Accessed January 15, 2026. <https://www.who.int/publications/i/item/9789240017900>

² *Embracing a Culture of Lifelong Learning*. Hamburg: UNESCO Institute for Lifelong Learning; 2021. Accessed January 15, 2026. <https://www.uil.unesco.org/en/embracing-culture-lifelong-learning>

³ Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь»: документы и события. Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/917/events/> (дата обращения: 15.01.2026).

этого нацпроекта является реализация программ активного долголетия, предусматривающих создание сети центров активности, поддержку волонтерских и общественных инициатив старшего поколения, а также формирование педагогических практик, укрепляющих здоровье пожилых, развивающих их социальную вовлеченность и обеспечивающих межпоколенческую преемственность.

В «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения...» дается *законодательная дефиниция* понятия «активное долголетие»: под ним понимается не только продолжительность, но и качество жизни граждан старших возрастов, предполагающее их участие в общественной, трудовой и культурной деятельности¹. Вместе с тем понятие «активное долголетие» в нормативно-программных формулировках нуждается в критическом осмыслении. В исследовательской литературе оно вызывает несколько принципиальных замечаний. Во-первых, «активность» несет нормативный акцент, что задает образ должной старости, неявно обесценивая тех, кто в силу состояния здоровья или личного выбора не вписывается в стандарт активности, поэтому именно на эту нормативность указывается в работах по критической геронтологии.

Во-вторых, в политико-административных дефинициях активность нередко сводится к продуктивности и занятости, что отражает экономическую логику продления трудовой жизни и снижения нагрузки на системы пенсионного обеспечения и ухода за пожилыми людьми; при таком прочтении содержательное содержание понятия редуцируется к экономической полезности.

В-третьих, акцент на «активности» индивидуализирует ответственность за долголетие, оставляя в тени то, что возможности активной жизни во многом определяются накопленными в течение жизни социально-экономическими и средовыми неравенствами. Наконец, само понятие операционально неоднозначно: его биомедицинское, социальное, экономическое и психологическое прочтения сосуществуют, а законодательная дефиниция (продолжительность и качество жизни, участие в общественной, трудовой и культурной деятельности) фиксирует прежде всего наблюдаемое участие, оставляя вне педагогического поля зрения субъектные и смысловые измерения.

Однако, на наш взгляд, данные замечания не отменяют ценности понятия «педагогика активного долголетия». Они задают рамку его использования в настоящей работе, а именно, понятие критически переосмысливается. Активность в исследовании рассматривается не как нормативное предписание продуктивности, а как педагогически формируемая субъектность человека на протяжении всей его жизненной траектории. Тем самым она отвечает на ограничения исходных – преимущественно биомедицинских и политико-экономических – трактовок понятия.

Следовательно, активное долголетие не может обеспечиваться только медицинскими, социальными или экономическими мерами и требует педагоги-

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 7 апреля 2025 г. № 830-р). Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/3s71wNjci0hB2DjxdhBlAJawKT1SBE.pdf> (дата обращения: 15.01.2026).

ческого сопровождения, направленного на формирование у человека знаний, навыков, мотивации, субъектной позиции и способности к самостоятельному управлению собственной жизненной траекторией в старшем возрасте. Несмотря на развитие андрагогики, геронтогогики, герогогики и педагогики здоровья, границы педагогики активного долголетия пока остаются слабо изученными: отсутствует определение понятия «педагогика активного долголетия» с позиции педагогической науки, не описан понятийный аппарат, теоретически не обоснованы технологии обучения граждан пожилого возраста активному долголетию, а также не ведется подготовка специалистов по программе «Педагогика активного долголетия».

Цель настоящего исследования – изучить генезис педагогики активного долголетия и теоретически обосновать этапы ее становления.

В исследовании предполагается решить следующие исследовательские вопросы:

1. Каков генезис педагогики активного долголетия в России и за рубежом?
2. Какова степень разработанности проблемы в смежных науках?
3. Каково содержание понятия «педагогика активного долголетия»?
4. Каковы этапы ее становления?

Для реализации поставленной цели и нахождения аргументации на исследовательские вопросы требуется решить следующие **задачи**:

- проанализировать этапы становления педагогики активного долголетия в России и за рубежом;
- оценить уровень разработанности данной проблемы с позиций смежных наук;
- уточнить понятие «педагогика активного долголетия»;
- предложить классификацию этапов становления педагогики активного долголетия.

Гипотеза исследования. Предполагается, что становление педагогики активного долголетия представляет собой закономерный процесс, в котором на протяжении второй половины XX – начала XXI в. последовательно складываются ее концептуальные основания: от биомедицинских и социально-геронтологических предпосылок через оформление образовательных практик для пожилых к их интеграции с политикой активного долголетия и, наконец, к формированию целостного педагогического направления. Выделяемые этапы отражают не хронологическую последовательность событий, а саму логику формирования нового научного знания и его институционального закрепления.

К **ограничениям настоящего исследования** можно отнести: 1) отсутствие эмпирических данных; 2) возможная неполнота охвата источников и отсутствие формализованного протокола систематического обзора, снижающее воспроизводимость их отбора; 3) субъективность выделения этапов и качественный, а не количественный характер операционализации критериев:

переходы между этапами фиксируются по содержательному сдвигу дискурса и институционализации без формальных индикаторов и пороговых значений; 4) отсутствие валидации предложенной классификации экспертами или на материале конкретных практик. Указанные ограничения определяют перспективы дальнейших исследований, связанных с проверкой и развитием положений настоящей работы.

Обзор литературы

Исторический экскурс развития педагогики активного долголетия за рубежом (вторая половина XX в. по настоящее время)

За рубежом понятийная база педагогики активного долголетия складывалась во второй половине XX в. на пересечении социальной и медицинской геронтологии, психологии жизненного пути, антропологии, андрагогики и зарождающейся образовательной геронтологии. В этом процессе прослеживаются две относительно автономные линии, долгое время развивавшиеся параллельно: социально-геронтологические теории старения и образовательная линия (андрагогика, геронгогика, образовательная геронтология). Их постепенное сближение и образует то смысловое поле, в котором впоследствии становится возможной идея педагогики активного долголетия.

Первая линия – социально-геронтологические теории, по-разному определяющие «активную старость» (обобщены в таблице 1). Их развитие отмечено принципиальным противоречием: теория активности R. Havighurst связывает благополучие с сохранением привычных ролей и деятельности¹, тогда как теория разобщения E. Cumming и W. E. Henry трактует взаимное отстранение индивида и общества как закономерный процесс². Это противопоставление – деятельная активность против неизбежного разобщения – задает полюса, между которыми движется последующая мысль. Теория непрерывности R. C. Atchley³ и модель успешного старения J. Rowe и R. Kahn⁴ фактически разрешают данное напряжение в пользу первого полюса, перенося акцент на сохранение ресурсов, здоровья и вовлеченности; в концепции продуктивного старения логика сохранения активности распространяется на участие в жизни общества и занятости пожилых^{5, 6}. Однако нормативность этих моделей позднее становится предметом критики, что подготавливает переход к более гибким представлениям о старении.

¹ Havighurst R.J. Successful aging. *The Gerontologist*. 1961;1(1):8–13. doi:10.1093/geront/1.1.8

² Cumming E., Henry W.E. *Growing Old: The Process of Disengagement*. New York: Basic Books; 1961. 293 p.

³ Atchley R.C. A continuity theory of normal aging. *The Gerontologist*. 1989;29(2):183–190. doi:10.1093/geront/29.2.183

⁴ Rowe J.W., Kahn R.L. Human aging: usual and successful. *Science*. 1987;237(4811):143–149. doi:10.1126/science.3299702

⁵ Baltes P.B., Baltes M.M. Psychological perspectives on successful aging: the model of selection, optimization, and compensation. In: *Successful Aging: Perspectives from the Behavioral Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990:1–34. doi:10.1017/CBO9780511665684.003

⁶ Butler R.N., Gleason H.P. *Productive Aging: Enhancing Vitality in Later Life*. New York: Springer Pub. Co.; 1985. 148 p.

Параллельно и в значительной мере независимо от теорий старения формируется вторая, образовательная линия. Программная работа D. A. Peterson выделяет образовательную геронтологию в самостоятельное поле¹, а M. Knowles закрепляет представление о взрослом как самонаправленном субъекте обучения, опирающемся на собственный опыт². На этой основе J. Lebel вводит понятие «герогогика», впервые обозначая специфику обучения именно пожилых – добровольность, адаптацию темпа и среды, ориентацию на автономию³, а концепция третьего возраста P. Laslett осмысляет позднюю жизнь как время самореализации и обучения⁴, институциональным воплощением чего становятся университеты третьего возраста⁵. Глобальная повестка непрерывного образования (lifelong learning) в документах ЮНЕСКО закрепляет право взрослых на обучение и его роль в социальной интеграции⁶. Существенно, что на этом этапе образовательная линия развивается обособленно: обучение пожилых осмысливается как ценность и практика, но еще не связывается с теориями активного и здорового старения.

На рубеже XX–XXI вв. обе линии начинают сближаться под воздействием международной политической повестки. Рамочный документ ВОЗ закрепляет активное старение как процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности пожилых⁷, а Индекс активного старения операционализирует его через показатели занятости, участия, независимой жизни и доступа к культурно-образовательным ресурсам⁸. Одновременно прежние нормативные модели подвергаются критике: S. Van Dyk указывает на их ориентацию на привилегированные группы и исключение тех, кто не вписывается в стандарт «успешности» [1]. Реакцией на эту критику становится переход к концепции здорового старения, понимаемого ВОЗ как поддержание функциональной способности во взаимодействии человека и среды⁹. N. Keating и J. Phillips описывают здоровое старение как «зонтичную» концепцию, объединяющую теории успешного, активного и продуктивного старения [2], а экологическая геронтология H.-W. Wahl и F. Oswald добавляет в понимание средовое измерение – выражается через баланс возможностей индивида и характеристик среды [3]. Тем самым акцент смещается от индивидуальной нормы «успешности» к взаимодействию человека, образования и среды.

¹ Peterson D.A. Educational gerontology: the state of the art. *Educational Gerontology*. 1976;1(1):61–73. doi:10.1080/03601277.1976.12049517

² Knowles M.S. *The Modern Practice of Adult Education: From Pedagogy to Andragogy*. Englewood Cliffs, NJ: Cambridge Adult Education; 1980. 400 p.

³ Lebel J. Beyond andragogy to gerogogy. *Lifelong Learning: The Adult Years*. 1978;1(9):16–18, 25.

⁴ Laslett P. *A Fresh Map of Life: The Emergence of the Third Age*. London: Weidenfeld & Nicolson; 1989. 213 p.

⁵ A founding visit / U3A (UK). Accessed November 12, 2025. <https://www.u3a.org.uk/news/a-founding-visit>

⁶ *Learning: The Treasure Within (Delors Report)*. Paris: UNESCO; 1996. 266 p.

⁷ *Active Ageing: A Policy Framework*. Geneva: World Health Organization; 2002. Accessed January 16, 2026. <https://iris.who.int/items/46476232-b305-47b4-ab28-e3931607c70c>

⁸ Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M.M., et al. *Active Ageing Index 2012: Concept, Methodology and Final Results*. Vienna: European Centre for Social Welfare Policy and Research; 2013. 68 p. Accessed January 16, 2026. <https://www.euro.centre.org/downloads/detail/1401/1>

⁹ *World Report on Ageing and Health*. Geneva: World Health Organization; 2015. 246 p. Accessed January 16, 2026. <https://www.who.int/docs/default-source/mca-documents/ageing/9789240694811-eng.pdf>

В образовательной линии этого периода обучение пожилых все чаще рассматривается как ресурс когнитивной и социальной поддержки и как средство борьбы с эйджизмом [4; 5], а появившийся институт университетов третьего возраста – как механизм интеграции пожилых в образовательное и социальное пространство [6]; параллельно в документах ВОЗ происходит закрепление концепций возрастнo-дружественных городов и университетов^{1, 2}. В 2020-е гг. обе линии практически смыкаются: А. Zohar и Y. Shavit рассматривают позднюю жизнь как часть единого образовательного континуума [7], а программа «Десятилетие здорового старения» ООН/ВОЗ закрепляет обучение как механизм поддержания функциональных способностей. Вместе с тем образовательное измерение этой повестки остается слабо операционализированным [8]: при декларативном признании роли обучения³ участие пожилых в образовании остается низким, а педагогический инструментарий – фрагментарным. Именно в этом разрыве между признанием значимости образования как важнейшей составляющей качества поздних периодов жизни и отсутствием целостной педагогической теории обнаруживается ниша для оформления педагогики активного долголетия.

Таблица 1
Зарубежные теории старения и активного долголетия

Table 1
Foreign theories of ageing and active longevity

Автор(ы), год / Author(s), year	Теория/ концепция (дисциплина) / Theory/concept (discipline)	Ключевые положения / Key provisions	Значение для педагогики активного долголетия / The importance of active longevity for pedagogy	Критика/ противоречия / Criticism/controversy
Havighurst R.J., 1961	Теория активности (социальная геронтология) / Activity Theory (social gerontology)	Благополучие в старости – следствие сохранения ролей, связей и активности / Well-being in old age is a consequence of maintaining roles, connections, and activity	Активность и вовлеченность как педагогическая цель; основа идеи деятельной старости / Activity and involvement as a pedagogical goal; the basis of the idea of active old age	Допущение, что все пожилые способны и хотят сохранять прежнюю активность / The assumption that all the elderly are able and willing to remain active

¹ *Global Age-Friendly Cities: A Guide*. Geneva: World Health Organization; 2007. 76 p. Accessed January 16, 2026. <https://www.who.int/publications/i/item/9789241547307>
² Ten Principles of an Age-Friendly University. Accessed November 23, 2025. <https://www.afugn.org/principles>
³ *5th Global Report on Adult Learning and Education: Citizenship Education – Empowering Adults for Change*. Hamburg: UNESCO Institute for Lifelong Learning; 2022. Accessed January 16, 2026. https://www.uil.unesco.org/sites/default/files/medias/fichiers/2022/06/GRALE5_EN_FullReport15June2022.pdf

Автор(ы), год / <i>Author(s), year</i>	Теория/ концепция (дисциплина) / <i>Theory/concept (discipline)</i>	Ключевые положения / <i>Key provisions</i>	Значение для педагогики активного долголетия / <i>The importance of active longevity for pedagogy</i>	Критика/ противоречия / <i>Criticism/controversy</i>
Cumming E., Henry W.E., 1961	Теория разобщения, (социальная геронтология) / <i>Theory of separation, (social gerontology)</i>	Старение – закономерное взаимное отстранение индивида и общества / <i>Aging is a natural mutual exclusion of the individual and society</i>	Дефицитарная модель старости; контрпозиция, от которой отталкивается направление / <i>A deficient model of old age; a counterposition from which the direction is based</i>	Эмпирически не подтверждена; выдает социальное исключение за норму / <i>It is not empirically confirmed; it passes off social exclusion as the norm</i>
Atchley R.C., 1989	Теория непрерывности (социальная геронтология, психология развития) / <i>Theory of continuity (social gerontology, developmental psychology)</i>	Благополучие обеспечивается сохранением привычного стиля жизни и ролей / <i>Well-being is ensured by maintaining the usual lifestyle and roles</i>	Поддерживает идею непрерывной образовательной траектории / <i>Supports the idea of a continuous educational trajectory</i>	Размытость понятия; недоучет резких разрывов (болезнь, утраты, выход на пенсию) / <i>Vagueness of the concept; underestimation of sharp breaks (illness, loss, retirement)</i>
Rowe J.W., Kahn R.L., 1987	Модель успешного старения (геронтология, психология) / <i>Model of successful aging (gerontology, psychology)</i>	Успешное старение = профилактика болезней + здоровье + вовлеченность / <i>Successful aging = disease prevention + health + engagement</i>	Задаёт целевые ориентиры программ: здоровье, когнитивная, социальная вовлеченность / <i>Sets the target guidelines for the programmes: health, cognitive function, and social engagement</i>	Van Dyk [1]: нормативность, ориентация на привилегированные группы / <i>Van Dyk [1]: normativity, focus on privileged groups</i>
Butler R.N., Gleason H.P., 1985	Продуктивное старение (геронтология, гериатрия) / <i>Productive aging (gerontology, geriatrics)</i>	Поздняя жизнь – период социального вклада; предложены индикаторы активной жизни / <i>Late life is a period of social contribution; indicators of an active life have been proposed</i>	Обоснование наставничества, занятости и социального вклада пожилых / <i>Justification of mentoring, employment, and the social contribution of older people</i>	Экономикоцентричность: продуктивность сводится к занятости и вкладу / <i>Economically centered: productivity is reduced to employment and contribution</i>

Автор(ы), год / Author(s), year	Теория/ концепция (дисциплина) / Theory/concept (discipline)	Ключевые положения / Key provisions	Значение для педагогики активного долголетия / The importance of ac- tive longevity for pedagogy	Критика/ противоречия / Criticism/controversy
Peterson D.A., 1976	Образовательная геронтология (образование × геронтоло- гия) / <i>Education and gerontology (education × gerontology)</i>	Оформление обу- чения пожилых в самостоятельное научное поле / <i>Establishing the study of elderly people as an independent scientific field</i>	Институциональ- ная точка отсчета образователь- ного измерения долголетия / <i>The institutional reference point for the educational measurement of longevity</i>	Слабая теоретиза- ция поля на раннем этапе, преобладание описательности / <i>Weak theoretical development of the field at an early stage, with a predominance of descriptive content</i>
Knowles M.S., 1980	Андрагогика (образование взрослых) / <i>Andragogy (adult education)</i>	Взрослый – са- монаправленный субъект обучения, опирающийся на опыт / <i>An adult is a self-directed learning subject who relies on experience</i>	Методологиче- ская основа обу- чения в позднем возрасте / <i>The methodological basis for learning in later life</i>	Резкое противопो- ставление педаго- гике; самонаправ- ленность не уни- версальна / <i>A sharp contrast to pedagogy; self-direction is not universal</i>
Lebel J., 1978	Герогогика (образование по- жилых) / <i>Geragogy (education of older people)</i>	Специфика обу- чения пожилых: добровольность, адаптация темпа и среды, автономия / <i>The specifics of teaching older adults: voluntariness, adaptation of pace and environment, autonomy</i>	Первое выделе- ние обучения по- жилых – прямой предшественник направления / <i>The first mention of elderly education is a direct precursor to the direction</i>	Слабая институцио- нализация, границы с андрагогикой размыты / <i>Weak institutionalisation; the boundaries with andragogy are blurred</i>
Laslett P., 1989	Концепция треть- его возраста (социальная геронтология, социальная исто- рия) / <i>The concept of the third age (social gerontology, social history)</i>	Поздняя жизнь – время само- реализации и обучения; основа университетов третьего возраста (U3A) / <i>Late life is a time for self- realisation and learning; it is the foundation of third- age universities (U3A)</i>	Концептуальная база U3A как формы актив- ного долголетия / <i>The conceptual foundation of U3A as a form of active longevity</i>	Идеализация; до- ступность преиму- щественно приви- легированным груп- пам / <i>Idealisation; accessibility primarily for privileged groups</i>

Автор(ы), год / Author(s), year	Теория/ концепция (дисциплина) / Theory/concept (discipline)	Ключевые положения / Key provisions	Значение для педагогики активного долголетия / The importance of ac- tive longevity for pedagogy	Критика/ противоречия / Criticism/controversy
Wahl H.-W., Oswald F., 2010 [3]	Модель «человек-среда» (person-environment fit, экологическая геронтология) / The “person-environment fit” model (person-environment fit, ecological gerontology)	Качество старения – баланс возможностей индивида и характеристик среды / The quality of aging is a balance between an individual’s capabilities and the characteristics of the environment	Обоснование среды (в том числе образовательной) как педагогического фактора / Justification of the environment (including the educational one) as a pedagogical factor	Трудность операционализации; объяснительная рамка, а не строгая теория / The difficulty of operationalisation; an explanatory framework, not a strict theory
Keating N., Phillips J.A., 2022 [2]	«Здоровое старение» / зонтичная концепция (геронтология) / “Healthy aging” / an umbrella concept (gerontology)	Объединяет теории успешного, активного и продуктивного старения / It combines theories of successful, active, and productive aging	Интегративная рамка междисциплинарного понимания долголетия / An integrative framework for an interdisciplinary understanding of longevity	«Зонтичность» размывает понятие и снижает аналитическую строгость / “Umbrella” blurs the concept and reduces analytical rigor
Findsen B., Formosa M., 2011–2014 [4; 5; 6]	Критическая образовательная геронтология; U3A / Critical gerontology education; U3A	Обучение пожилых – ресурс против эйджизма и неравенства; U3A как интеграция / Training older adults is a resource against ageism and inequality; U3A as integration	Связь образования с эмансипацией – ценностное ядро направления / The connection between education and emancipation is the core value of the direction	Декларируемая эмансипация vs воспроизводство неравенства в самих U3A / Declared emancipation vs. the reproduction of inequality within U3A itself
Zohar A., Shavit Y., 2025 [7]	Сближение геронгологии и педагогики (образовательная геронтология, науки об обучении) / The convergence of geragogy and pedagogy (educational gerontology, the sciences of learning)	Поздняя жизнь – часть единого образовательного континуума / Late life is part of a single educational continuum	Предвосхищает педагогику активного долголетия как сквозную / It anticipates the pedagogy of active longevity as an overarching concept	Дефицит эмпирической проверки (online first); риск размывания специфики / Lack of empirical validation (online first); risk of diluting specificity

*Исторический экскурс развития педагогики активного долголетия в России
(вторая половина XX в. по настоящее время)*

Близкое к педагогике активного долголетия понятийное поле в России складывалось во второй половине XX в. на стыке биомедицинской и социальной геронтологии, философии возраста и теории обучения взрослых. В отличие от зарубежной траектории, идущей от социальной геронтологии к образовательной, российская традиция выстраивалась в обратном направлении: от биомедицинского понимания управляемости старения – через социально-геронтологическое осмысление поздней жизни – к андрагогике, герогогике и педагогике активного долголетия как самостоятельному направлению. Данное обстоятельство определяет методологически существенное отличие и во многом объясняет почему российская концептуализация активного долголетия сегодня сохраняет сильную опору на ресурсный (биомедицинский) дискурс, а ее собственно педагогическое оформление приходит позднее.

Первой опорой выступает биомедицинская линия (обобщены в таблице 2). Так, в концепции ортобиоза И. И. Мечникова старение трактуется как в значительной мере управляемый процесс, зависящий от среды, гигиены и образа жизни¹. Позднее в работах В. М. Дильмана о «биологических часах» и Н. А. Агаджаняна, А. Ю. Каткова о функционально-адаптационных резервах закрепляется представление о темпе старения как модифицируемой величине^{2, 3}; в нейрофизиологической традиции Н. П. Бехтерева активность, обучение и усложнение деятельности рассматриваются как механизмы поддержания резервов мозговой организации⁴. Таким образом, данная линия задает российской педагогике активного долголетия ресурсное основание, однако самостоятельно не выходит к образовательным механизмам.

В этом же поле в 1977 г. А. А. Микулин впервые в русскоязычной литературе вводит термин «активное долголетие» – характерно, что в научно-популярном, а не в академическом жанре⁵; образ «активного пенсионера» закрепляется как нормативный, но концептуального оформления термин в этот период не получает. Социально-геронтологическая разработка идет параллельно: предложенный З. Г. Френкелем в 1945 г. подход трактует активное долголетие как продление жизни и сохранение способности к общественно значимой деятельности, фиксируя понятия «активная» и «деятельная старость»⁶; в 1990-е гг. Е. Н. Хрисанфова, Р. С. Яцемирская и И. Г. Беленькая развивают идею индивидуальных возрастных траекторий, зависящих от образа жизни, труда, культу-

¹ Мечников И.И. *Этюды оптимизма*. Москва: Наука; 1964. 340 с.

² Дильман В.М. *Большие биологические часы*. Москва: Знание; 1986. 215 с.

³ Агаджанян Н.А., Катков А.Ю. *Резервы нашего организма*. Москва: Знание; 1979. 144 с.

⁴ Бехтерева Н.П. *Магия мозга и лабиринты жизни*. Санкт-Петербург: Нотабене; 1999. 299 с.

⁵ Микулин А.А. *Активное долголетие (Моя система борьбы со старостью)*. Москва: Физкультура и спорт; 1977. 112 с.

⁶ Френкель З.Г. *Удлинение жизни и активная старость*. Ленинград: Ордена Ленина ГИДУВ им. С. М. Кирова; 1945. 372 с.

ры и образования^{1, 2}. Таким образом акцент постепенно смещается с биологического возраста на социокультурно обусловленный.

Образовательная линия формируется на методологической базе деятельностно-культурной теории А. Н. Леонтьева³, из которой Ю. Н. Кулюткин и С. И. Змеев выводят отечественную андрагогику – представление о взрослом как самонаправленном субъекте, чье обучение строится на опыте и диалоге⁴. Институционально образование старшего поколения закрепляется введением института дополнительного образования взрослых в Законе РФ «Об образовании» 1992 г.⁵; в 1990–2000-е гг. появляются первые университеты третьего возраста и «академии жизни», однако они носят преимущественно проектный характер и не складываются в единую национальную модель [9].

С 2000-х гг. идея активного долголетия закрепляется в государственной политике России: Концепция демографической политики⁶, Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения⁷ и региональные программы^{8, 9} позиционируют образовательные, культурные и физкультурные практики как инструменты активного долголетия. Например, на научном уровне этот сдвиг отражает доклад НИУ ВШЭ, описывающий активное долголетие как межсекторный конструкт – здоровье, занятость, участие, защищенность, обучение [10]; в работах 2020-х гг. предлагаются национальные модели и российский индекс активного долголетия, при этом авторы прямо указывают на недооценку образования и добровольческих практик и доминирование медицинских и экономических индикаторов [11; 12]. Образовательный компонент в политике активного долголетия методологически значим, но слабо операционализирован – тогда как исследования в сфере образования третьего возраста и геронгогики предлагают более разработанный инструментарий для проектирования программ.

В 2014–2020-х гг. в психологии и педагогике осваивается концепция успешного и позитивного старения [13; 14], а поздняя жизнь описывается через выбор жизненных стратегий, подготовка к которым должна начинаться на предшествующих возрастных этапах [15]. Нейрокогнитивная теория Т. В. Чер-

¹ Хрисанфова Е.Н. *Основы геронтологии (антропологические аспекты): учеб. для вузов*. Москва: Владос; 1999. 151 с.

² Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. *Социальная геронтология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений*. Москва: Владос; 1999. 224 с.

³ Леонтьев А.Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. Москва: Политиздат; 1975. 304 с.

⁴ Кулюткин Ю.Н. *Психология обучения взрослых*. Москва: Просвещение; 1985. 128 с.; Змеев С.И. *Основы андрагогики: учеб. пособие для вузов*. Москва: Флинта; Наука; 1999. 152 с.

⁵ Об образовании: Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1. *Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ*. 1992. № 30. Ст. 1797.

⁶ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. *Собрание законодательства РФ*. 2007. № 42. Ст. 5009.

⁷ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 7 апреля 2025 г. № 830-р. *Собрание законодательства РФ*. 2025. № 16. Ст. 2060.

⁸ Московское долголетие. Проект мэра. Режим доступа: <https://after55.moscow/> (дата обращения: 22.01.2026)

⁹ Старшее поколение – ресурс будущего. Комплексный подход к активному долголетию: экспертный доклад. Москва; 2023. Режим доступа: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/starshee-pokolenie/doklad_starshhee_pokolenie_new-3.pdf (дата обращения: 22.01.2026).

ниговской позволяет рассматривать обучение и освоение новых культурно-языковых практик как механизм поддержания когнитивной гибкости и смыслообразования [16].

Наиболее последовательно педагогическое измерение разрабатывается в линии образования третьего возраста, геронгогики и геронтообразования. Третий возраст трактуется как этап самореализации и обучения, а университеты третьего возраста – как институциональная форма активного долголетия [17; 18]; неформальное образование рассматривается как пространство самоактуализации третьего возраста и фактор их активного долголетия [19]. Геронгогика Т. М. Кононыгиной [20] и работы по геронтопедагогике [21] формулируют принципы обучения пожилых: опора на жизненный опыт, добровольность, мягкий темп, приоритет смыслообразования, междисциплинарность.

Г. Г. Сорокин в 2011 г. вводит понятие «геронтообразование» как самостоятельный сегмент непрерывного образования, прямо указывая на фрагментарность и недостаточность теории профессионального образования в этом поле [22]. В 2020-е гг. усиливается внимание к подготовке педагогических кадров для работы с третьим возрастом [23]; Т. М. Резер предлагает методологию профессионального обучения граждан старшего возраста на принципах андрагогики и геронтогогики [24]; Г. Е. Зборовский исследует структуру и функции людей третьего возраста как социальной общности [25]; Т. И. Касьянова, Л. И. Воронина и Т. М. Резер изучают образовательный потенциал пожилых граждан [26], что становится основой монографии о педагогических условиях профессионального обучения старшего поколения [27].

Отечественный анализ Десятилетия здорового старения ВОЗ/ООН подчеркивает доминирование медицинских и трудовых аспектов и менее развернутую представленность образовательных и педагогических механизмов поддержания функциональной способности [28].

Таким образом, к началу 2020-х гг. российская традиция обладает развитой ресурсной (биомедицинской и нейрофизиологической) основой, оформленной социально-геронтологической рамкой, государственной политикой активного долголетия и сложившейся практикой образования третьего возраста и геронгогики, но еще не имеет целостной педагогической теории, связывающей эти линии. Именно в этом разрыве и оформляется педагогика активного долголетия как самостоятельное направление.

Таблица 2

Российские теории старения и активного долголетия

Table 2

Russian theories of ageing and active longevity

Автор(ы), год / Author(s), year	Теория/кон- цепция (дис- циплина) / Theory/concept (discipline)	Ключевые по- ложения / Key provisions	Значение для педагогики активного дол- голетия / The importance of active longevity for pedagogy	Критика/противо- речия / Criticism/ controversy
Мечни- ков И.И. / Mechnikov I.I., 1964	Концепция орто- биоза (биология, ан- тропология) / The concept of orthobiosis (biology, anthropology)	Старение – в зна- чительной мере управляемый процесс; качество поздней жизни зависит от среды, гигиены, рациона, образа жизни / Aging is largely a controllable process; the quality of later life depends on the environment, hygiene, diet, and lifestyle	Биомедицин- ский исток идеи управляемости старения через образ жизни / The biomedical origin of the idea that aging can be managed through lifestyle	Биомедицинская рамка; образова- тельно-социальные механизмы под- разумеваются, но не разработаны / Biomedical framework; educational and social mechanisms are implied but not developed
Дильман В.М. / Dil'man V.M., 1986; Агад- жаниян Н.А., Катков А.Ю. / Agadzhanian N.A., Katkov A.Yu., 1979	«Биологические часы» / функци- онально-адапта- ционные резервы организма (биомедицинская геронтология) / “Biological clock” / functional and adaptive reserves of the body (biomedical gerontology)	Темп старения модифицируется поддержанием функциональных и адаптационных резервов / The rate of aging is modified by maintaining functional and adaptive reserves	Обоснование активности и адаптации как управле- мых ресурсов поздней жизни / Justification of activity and adaptation as controllable resources in late life	Биомедицинская рамка; педагогиче- ская интерпретация ресурсного подхода не развернута / Biomedical framework; the pedagogical interpretation of the resource-based approach has not been elaborated
Бехтере- ва Н.П. / Bekhtereva N.P., 1999	Нейрофизиоло- гические резервы мозговой органи- зации (нейрофизиоло- гия, психология) / Neurophysiological reserves of brain organisation (neurophysiology, psychology)	Активность, обу- чение и усложне- ние деятельности поддерживают функциональные возможности мозга / Activity, learning, and the complexity of activities support the brain's functional capabilities	Образование как механизм поддержания нейрокогнитив- ных резервов в позднем воз- расте / Education as a mechanism for maintaining neurocognitive reserves in late life	Фокус на нейрофи- зиологических ме- ханизмах; педаго- гические следствия выводятся, но не операционализи- рованы / Focus on neurophysiological mechanisms; pedagogical implications are derived but not operationalised

Автор(ы), год / Author(s), year	Теория/кон- цепция (дис- циплина) / Theory/concept (discipline)	Ключевые по- ложения / Key provisions	Значение для педагогики активного дол- голетия / The importance of active longevity for pedagogy	Критика/противо- речия / Criticism/ controversy
Микулин А.А. / Mikulin A.A., 1977	«Активное дол- голетие» (науч- но-популярная концепция) (научно-популяр- ная литература, биомедицина) / “Active longevity” (a popular science concept) (popular science literature, biomedicine)	Первое появление термина «актив- ное долголетие»; движение, пита- ние, режим – ус- ловия деятельной старости / The first appearance of the term «active longevity»; movement, nutrition, and regimen – the conditions for an active old age	Историческая точка отсчета термина в рус- скоязычной традиции / The historical starting point of the term in the Russian- language tradition	Жанр научно-попу- лярной литературы; концептуальное и педагогическое оформление отсут- ствует / The genre is popular science literature; there is no conceptual or pedagogical framework
Френкель З.Г. / Frenkel' Z.G., 1945	Социально-ге- ронтологический подход / «дея- тельная старость» (социальная ге- ронтология) / The socio-gerontological approach / “active old age” (social gerontology)	Активное долго- летие – продление жизни и сохране- ние способности к общественно зна- чимой деятельно- сти / Active longevity is the extension of life and the preservation of the ability to engage in socially significant activities	Российская опора социаль- но-геронтологи- ческой линии и ее педагогиче- ских следствий / The Russian foundation of the socio- gerontological approach and its pedagogical implications	Преимущественно описательный ха- рактер; педагоги- ческое измерение лишь намечено / The work is predominantly descriptive in nature; the pedagogical dimension is only hinted at
Хрисан- фова Е.Н. / Khrisanfova E.N., 1999; Яцемирская Р.С., Белень- кая И.Г. / Yatsemirskaya R.S., Belen'kaya I.G., 1999	Социальная ге- ронтология / идея индивидуальных возрастных тра- екторий (геронтология, антропология, со- циология) / Social gerontology / the idea of individual age trajectories (gerontology, anthropology, sociology)	Ритм старения зависит от образа жизни, труда, куль- туры и образова- ния; старение – со- циальный процесс / The rate of aging depends on lifestyle, work, culture, and education; aging is a social process	Перевод акцента с биологическо- го возраста на социокультурно обусловлен- ную траекто- рию / Shifting the focus from biological age to a socioculturally determined trajectory	Преимущественно описательная разра- ботка; интеграция с образовательны- ми механизмами не выполнена / The development is primarily descriptive; integration with educational mechanisms has not been implemented

Автор(ы), год / Author(s), year	Теория/кон- цепция (дис- циплина) / Theory/concept (discipline)	Ключевые по- ложения / Key provisions	Значение для педагогики активного дол- голетия / The importance of active longevity for pedagogy	Критика/противо- речия / Criticism/ controversy
Леонтьев А.Н. / Leont'ev A.N., 1975	Деятельност- но-культурная теория развития (общая психо- логия) / Activity- cultural theory of development (general psychology)	Развитие человека – культурно опо- средованная дея- тельность; субъект- ность и опыт – ее основания / Human development is a culturally mediated activity; subjectivity and experience are its foundations	Методологи- ческая база отечественной андрагогики и понимания обу- чения в позднем возрасте / The methodological foundation of domestic andragogy and the understanding of learning in later life	Общая теория раз- вития; гериатри- ческие следствия выводятся косвенно / General theory of development; geriatric implications are derived indirectly
Кулют- кин Ю.Н. / Kulyutkin Yu.N., 1985; Змеев С.И. / Zmeev S.I., 1999	Отечественная андрагогика (образова- ние взрослых) / Domestic andragogy (adult education)	Взрослый – са- монаправленный субъект; обучение строится на опыте и диалоге / An adult is a self-directed subject; learning is based on experience and dialogue	Методологи- ческий фунда- мент обучения в позднем возрасте, лежа- щий в основе русской ге- рогогики / The methodological foundation of learning in later life, which underlies Russian geragogy	Ориентация на взрослого в целом; специфика позднего возраста не выделе- на / Focus on adults in general; the specifics of later life are not highlighted
Кононы- гина Т.М. / Kononygina T.M., 2006 [20]	Герогогика (образование по- жилых) / Geragogy (education of older people)	Принципы обу- чения пожилых: жизненный опыт, добровольность, мягкий темп, приоритет смыс- лообразования / Principles of teaching older adults: life experience, voluntariness, a gentle pace, and the priority of meaning- making	Первое в РФ си- стематическое оформление герогогики как практико-ори- ентированной дисципли- ны / The first systematic formulation of gerogogy as a practice-oriented discipline in the Russian Federation	Жанр методиче- ского пособия; целостная теоре- тическая рамка и институциональная закрепленность слабы / The genre of the methodological guide; the theoretical framework and institutional consolidation are weak

Автор(ы), год / Author(s), year	Теория/кон- цепция (дис- циплина) / Theory/concept (discipline)	Ключевые по- ложения / Key provisions	Значение для педагогики активного дол- голетия / The importance of active longevity for pedagogy	Критика/противо- речия / Criticism/ controversy
Сорокин Г.Г. / Sorokin G.G., 2011 [22]	Геронтообразо- вание (социология образования) / Gerontological education (sociology of education)	Геронтообразова- ние – самостоя- тельный сегмент непрерывного об- разования, продле- вающий активную социальную жизнь / Gerontological education is an independent segment of lifelong learning that extends active social life	Связь обуче- ния пожилых с задачами активного дол- голетия и про- фессионального образования / The connection between teaching older people and the goals of active longevity and professional education	Отмечена самим автором: фрагмен- тарность теории профессиональ- ного образования в этом поле / The author himself noted the fragmentary nature of the theory of vocational education in this field
Овчарова Л.Н. и др. / Ovcharova L.N., et al., 2020 [10]; Синявская О.В., Червя- кова А.А. / Sinyavskaya O.V., Chervyakova A.A., 2022 [12]	Активное долго- летие как межсек- торный конструкт / российский индекс активного долголетия (социальная политика, эконо- мика старения) / Active longevity as an intersectoral construct / the Russian index of active longevity (social policy, the economics of aging)	Активное долго- летие объединяет здоровье, заня- тость, участие, защищенность, об- учение; разработан российский индекс / Active longevity encompasses health, employment, participation, security, and education; a Russian index has been developed	Институцио- нальное и поли- тико-норматив- ное оформление активного дол- голетия в РФ / Institutional and policy-regulatory framework for active longevity in the Russian Federation	Доминирование медико-экономиче- ских показателей; слабая операцио- нализация образо- вательного компо- нента / Dominance of medical and economic indicators; weak operationalisation of the educational component
Чернигов- ская Т.В. / Chernigovskaya T.V., 2013 [16]	Нейрокогнитив- ная теория (язык, обучение, созна- ние) (нейролингви- стика, когни- тивная наука) / Neurocognitive theory (language, learning, consciousness) (neurolinguistics, cognitive science)	Обучение и осво- ение новых куль- турно-языковых практик – меха- низм когнитив- ной гибкости и смыслообразова- ния / Learning and acquiring new cultural and linguistic practices is a mechanism of cognitive flexibility and meaning-making	Когнитив- но-смысловое обоснование роли обучения в активном дол- голетии / Cognitive- semantic justification of the role of learning in active longevity	Фокус на когнитив- но-лингвистических механизмах; соб- ственно педагоги- ческие условия не разработаны / Focus on cognitive-linguistic mechanisms; the pedagogical conditions themselves have not been developed

Автор(ы), год / Author(s), year	Теория/кон- цепция (дис- циплина) / Theory/concept (discipline)	Ключевые по- ложения / Key provisions	Значение для педагогики активного дол- голетия / The importance of active longevity for pedagogy	Критика/противо- речия / Criticism/ controversy
Никипо- рец-Таки- гава Г.Ю. / Nikiporets- Takigava G.Yu., 2022 [9]; Роботова А.С. / Robotova A.S., 2014 [17]; Джурин- ский А.Н. / Dzhurinskiy A.N., 2018 [18]	Образование третьего возраста (образовательная геронтология) / Third age education (educational gerontology)	Лица третьего воз- раста – субъекты непрерывного образования; уни- верситеты третьего возраста (УТВ) как русская ин- ституциональная форма активного долголетия / Third- age individuals are subjects of lifelong learning; third-age universities (TAUs) as a Russian institutional form of active longevity	Институцио- нальная база педагогики активного дол- голетия в РФ / The institutional framework of pedagogy for active longevity in the Russian Federation	Институциональная фрагментарность; отсутствие единой национальной моде- ли УТВ / Institutional fragmentation; the absence of a unified national model for TVE
Резер Т.М. / Rezer T.M., 2021 [24]; Во- ронина Л.И. и др. / Voronina L.I., et al., 2020 [27]	Методология про- фессионального обучения граждан старшего воз- раста (педагогика взрослых, ге- рогика) / Methodology of professional training for older adults (adult education, geragogy)	Общая концепция профессионально- го обучения стар- ших на принципах андрагогики и ге- ронтогики; прод- ление деятельно- сти через новые компетенции / The general concept of professional training for older adults based on the principles of andragogy and gerontagogy; extending professional activity through new competencies	Методологи- ческая база обучения стар- шего поколения (профессио- нально-образо- вательный кон- тур), на которой в настоящей статье выстраи- вается обобще- ние к педагогике активного дол- голетия / The methodological foundation for teaching the older generation (professional and educational framework), on which this article builds a generalisation regarding the pedagogy of active longevity	Понятие активного долголетия специ- ально не разрабаты- вается; методология ограничена профес- сионально-образо- вательным контек- стом / The concept of active longevity is not specifically developed; the methodology is limited to the professional and educational context

Проведенный обзор показывает, что становление педагогики активного долголетия связано не с линейным накоплением отдельных теорий, а с разрешением нескольких устойчивых противоречий: между дефицитным и

ресурсным пониманием социального феномена старости; между нормативной моделью активности и признанием индивидуальных траекторий поздней жизни; между биомедицинской трактовкой долголетия и необходимостью его социально-педагогического обеспечения; между развитием отдельных практик обучения пожилых и отсутствием целостной педагогической теории, связывающей обучение, здоровье, субъектность и социальную включенность. Именно эти противоречия позволяют рассматривать педагогику активного долголетия как формирующееся интегративное новое направление в педагогической науке, а не как простое продолжение андрагогики, герогогики или образовательной геронтологии.

Методология, материалы и методы

Методология исследования генезиса педагогики активного долголетия и теоретического обоснования этапов ее становления включает в себя анализ теорий, инициировавших становление педагогики активного долголетия; определение подходов, принципов и методов к исследованию данного феномена.

К основным теориям, предшествующим становлению педагогики активного долголетия, относятся (1) теория непрерывности и политики непрерывного образования¹; (2) концепция третьего возраста²; (3) социально-геронтологический подход в геронтологии, предложенный З. Г. Френкелем³ и предполагающий изучение социальных аспектов старения, положение пожилых людей в обществе и влияние социальных факторов на продолжительность жизни человека; (4) общая концепция обучения граждан старшего возраста [24].

Подходы к исследованию педагогики активного долголетия: 1) междисциплинарный подход, согласно которому феномен старения человека должен изучаться с позиции разных наук и с применением разработанных в них методов; 2) комплексный подход, позволяющий рассматривать человека как предмет научного познания с точек зрения разных наук одновременно.

В исследовании применялся историко-генетический метод, позволивший реконструировать логику разворачивания изучаемого феномена во времени, а также историко-сравнительный метод, использованный для сопоставления отечественной и зарубежной траекторий формирования педагогики активного долголетия. Указанные методы дали возможность выявить как универсальные этапы, так и специфические особенности каждой из траекторий.

Принципами исследования педагогики активного долголетия являются (1) принцип целостного развития личности (физическое здоровье, психологическое благополучие и социальная включенность понимаются как взаимосвязанные компоненты активной жизни, формируемые в образовательных и социокультурных практиках); (2) принцип проактивного формирования жизненных

¹ Atchley R.C. A continuity theory of normal aging. *The Gerontologist*. 1989;29(2):183–190. doi:10.1093/geront/29.2.183

² Laslett P. *A Fresh Map of Life: The Emergence of the Third Age*. London: Weidenfeld & Nicolson; 1989. 213 p.

³ Френкель З.Г. *Удлинение жизни и активная старость*. Ленинград: Ордена Ленина ГИДУВ им. С. М. Кирова; 1945. 372 с.

ресурсов (педагогические воздействия ориентированы на опережающее формирование и поддержание функционального, психологического и социального резерва, обеспечивающего продолжительность активного жизненного периода); (3) принцип социальной и экономической включенности (активное долголетие предполагает сохранение субъектной позиции взрослого человека посредством участия в социальных, профессиональных и экономических практиках, включающих наставничество, межпоколенческое взаимодействие и гражданскую активность).

Методы исследования: 1) метод теоретического анализа при изучении теории и практики педагогики активного долголетия в России и за рубежом; 2) метод правового анализа при изучении международных и российских нормативных правовых актов; 3) метод сравнительного анализа при сопоставлении зарубежной и отечественной траекторий становления педагогики активного долголетия; 4) метод обобщения при формулировании полученных результатов.

Настоящее исследование представляет собой обзорно-теоретическую (нарративную) работу по реконструкции генезиса и концептуализации этапов становления педагогики активного долголетия, поэтому отбор источников носил целенаправленный характер. Поиск научной литературы проводился в январе 2026 г. в базах eLibrary.ru (РИНЦ), Google Scholar по ключевым словам на русском и английском языках: «педагогика активного долголетия», «активное / здоровое / успешное старение» (active / healthy / successful ageing), «образовательная геронтология» (educational gerontology), «герогогика» (geragogy), «непрерывное образование» (lifelong learning), «университеты третьего возраста» (University of the Third Age). Нормативные, программные и статистические документы извлекались с официальных ресурсов ВОЗ, ООН (UN DESA), ЮНЕСКО, ОЭСР, Росстата и официальных публикаторов правовых актов РФ. Критериями включения служили тематическое соответствие, статус источника (рецензируемые публикации, монографии, авторитетные программные документы) и вклад в формирование понятийного аппарата; основополагающие теории старения включались независимо от года издания. Всего проанализировано 49 научных публикаций и около 20 нормативных и программных документов. Формализованный протокол систематического обзора (PRISMA) не применялся, что соответствует жанру постановочной теоретической статьи и отнесено к ограничениям исследования.

Синтез источников осуществлялся путем сопоставления теоретических, нормативно-политических и педагогических линий развития представлений о старении, образовании взрослых и активном долголетии. Основанием для выделения этапов становления педагогики активного долголетия служили качественные сдвиги в доминирующем дискурсе о старении и степени институционализации образовательных практик, направленных на поддержку активности, здоровья, социальной включенности и субъектности человека в позднем возрасте.

Результаты исследования

В разделе обзора литературы были рассмотрены основные теоретические, социально-геронтологические, биомедицинские, андрагогические и герогогические предпосылки становления педагогики активного долголетия. В настоящем разделе представлены авторские обобщения, полученные на основе сопоставления зарубежной и отечественной траекторий: определены критерии выделения этапов, охарактеризованы различия их развития, уточнено содержание понятия «педагогика активного долголетия» и предложена классификация этапов ее становления.

При решении первой задачи (анализ генезиса педагогики активного долголетия в России и за рубежом) установлено, что целостного понятия «педагогика активного долголетия» нет ни в зарубежной, ни в отечественной науке. За рубежом сложилось лишь его смысловое поле, объединяющее концепции благоприятного старения (active / healthy ageing, ageing well), образовательную геронтологию, герогогику, университеты третьего возраста и возрастно-дружественные университеты, а также политику непрерывного образования. В России точкой отсчета служит появление термина «активное долголетие» в 1970-х гг. – в научно-популярной, а не в академической традиции, в связи с образом жизни, движением, питанием и режимом труда и отдыха.

При решении второй задачи (оценка уровня разработанности проблемы с позиций смежных наук) установлено, что обе традиции приходят к близкому пониманию позднего возраста как этапа, чувствительного к условиям жизни и среды, а обучения как ресурса поддержания функциональных способностей, участия и субъективного благополучия. Однако движутся они к этому пониманию противоположными дисциплинарными маршрутами: за рубежом направление кристаллизуется в поле социальной геронтологии и политики непрерывного образования, тогда как в России складывается «снизу вверх» – от биомедицинских и нейрофизиологических оснований к социально-геронтологическим и далее к педагогическим. Именно эта асимметрия маршрутов при сходстве итогового понимания составляет самостоятельный результат анализа: российская традиция приходит к педагогике активного долголетия не от образовательной геронтологии, а от ресурсной модели управляемого старения.

Третья задача – уточнение понятия «педагогика активного долголетия». Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что, несмотря на значительное накопление научных знаний в области образования взрослых, существующие подходы не обеспечивают целостной теоретической базы для понимания педагогики активного долголетия как *самостоятельного направления педагогической науки*: андрагогика раскрывает общие закономерности обучения взрослых; герогогика и геронтогика фокусируются на специфике обучения пожилых людей; образовательная геронтология рассматривает образование в позднем возрасте в междисциплинарном контексте геронтологиче-

ского знания; геронтопедагогика акцентирует педагогическое сопровождение человека старшего возраста. В отличие от указанных направлений педагогика активного долголетия рассматривает образование не только как обучение пожилых людей, но и как механизм формирования ресурсов активной, здоровой, социально включенной и субъектной жизни на поздних этапах взрослости. Ее предметное поле включает развитие мотивации к здоровьесберегающему поведению, саморегуляции, когнитивной и социальной активности, смыслового проектирования поздней жизни, межпоколенческого взаимодействия, а также подготовку специалистов, способных сопровождать данный процесс.

Нами предлагается следующее определение понятия *педагогика активного долголетия*: это новая отрасль педагогики взрослых, изучающая закономерности, механизмы и педагогические условия формирования предпосылок долголетия, активности и субъектности на протяжении всей жизненной траектории индивида. В инструментальном отношении она включает новые педагогические методы, способы и технологии, обеспечивающие развитие у него функциональных, психологических, социальных и смысловых ресурсов на основе проектирования культурно-образовательных и институциональных условий, способствующих продолжительности активного жизненного периода, социальной и экономической включенности и продуктивности.

Четвертая задача – предложить классификацию этапов становления педагогики активного долголетия. Анализ зарубежной и отечественной литературы показывает, что педагогика активного долголетия складывалась в ходе многоэтапного процесса. При выделении этапов формирования педагогики активного долголетия мы опирались на два критерия. Во-первых, это дискурс о старении человека в сфере образования: от имплицитного фона и просвещения до теории активного долголетия. Во-вторых, степень институционализации соответствующих практик – от отдельных идей и образовательных программ до разветвленной инфраструктуры и подготовки кадров в сфере активного долголетия.

Каждый этап определяется сочетанием значений по обеим осям, а граница между этапами фиксируется по качественному сдвигу хотя бы по одной из них – смене типа дискурса или переходу институционализации на новый уровень. Такой подход позволяет увидеть не только смену исторических этапов, но и трансформацию образования в области обучения людей старшего возраста. Условно можно выделить четыре этапа.

1. *Предпосылочный этап: биомедицинские и социально-геронтологические основания педагогики активного долголетия (конец XIX в. – 1970-е гг.).* Старение индивида понимается как частично управляемый процесс, появляются первые позитивные модели жизни в пожилом возрасте. Формируется образ активной, деятельной поздней жизни, зависящей от образа жизни, условий труда, профилактики, социальной среды. Закрепляется идея о том, что продолжительность и качество жизни поддаются влиянию, а активность в старшем возрасте

может быть нормой. Образовательное измерение при этом присутствует лишь имплицитно – в виде просвещения и пропаганды здорового образа жизни.

2. *Оформление образования позднего возраста как специального поля и предмета педагогики активного долголетия (1970-е – конец 1990-х гг.).* Поздний возраст впервые становится самостоятельным предметом педагогического анализа. Возникают направления, исследующие обучение пожилых людей, формулируются принципы, учитывающие их опыт, мотивацию, темп, особенности коммуникации. Появляются институциональные формы, ориентированные на обучение людей третьего возраста на фоне глобальной повестки непрерывного образования. В российской традиции в это же время формируется андрагогика, опирающаяся на деятельностно-культурное понимание развития взрослого. В целом образование позднего возраста начинает осмысляться как особый сегмент системы образования взрослых, хотя еще не связывается напрямую с идеями педагогики активного долголетия.

3. *Интегративный этап: соединение политики активного долголетия и образования человека старшего возраста (2000–2010-е гг.).* Две ранее относительно автономные линии – политика активного долголетия и образование в позднем возрасте – начинают сближаться. В международных и национальных документах старение описывается как многомерный процесс, где наряду со здоровьем, занятостью и участием в общественной жизни фигурируют обучение и развитие навыков. Исследования показывают влияние образовательных программ на качество жизни людей третьего возраста, их автономию, социальную включенность и борьбу с эйджизмом. В России формируются предпосылки становления педагогики активного долголетия, закрепляющей образование людей старшего поколения в качестве одного из факторов поддержания их активности.

4. *Этап становления педагогики активного долголетия как новой отрасли педагогического научного знания (2010-е гг. – по настоящее время).* Расширяется сеть организаций, работающих со старшим поколением (университеты третьего возраста, «серебряные» университеты, возрастно-дружественные университеты и города), усиливается политическая поддержка активного и здорового долголетия. Образование все чаще рассматривается не просто как дополнительный ресурс, а как один из ключевых механизмов поддержания функциональных способностей, вовлеченности и субъективного благополучия в позднем возрасте. В педагогике развиваются геронгогика и геронтопедагогика, ставится вопрос о необходимости введения целенаправленной подготовки педагогов для обучения людей старшего возраста активному долголетию в течение всей жизни.

Предложенная периодизация имеет также прикладное значение в двух планах – диахроническом (реконструкция логики становления) и синхроническом (диагностика современных практик). Каждому этапу соответствуют узнаваемые образовательные практики.

На *предпосылочном этапе* образовательное воздействие реализуется как санитарное просвещение и популяризация здорового образа жизни – научно-популярная литература о двигательной активности, питании и режиме, лектории о здоровье и долголетию; целенаправленного обучения пожилых здесь еще нет.

На *этапе оформления образования позднего возраста* практически выражением становятся первые университеты третьего возраста и «академии жизни», создававшиеся за рубежом и в России (в 1990-е гг. – на базе отдельных вузов), а также формулирование геронгогических принципов обучения пожилых – добровольности, мягкого темпа, опоры на жизненный опыт; обучение оформляется как самостоятельная практика, но еще не связано с политикой активного долголетия.

На *интегративном этапе* появляются масштабные программы, где образовательные, культурные и физкультурные активности прямо позиционируются как инструмент политики активного долголетия, например, региональные программы для старшего поколения («Московское долголетие» и аналогичные), опирающиеся на международные рамочные документы по активному старению; образование встраивается в межсекторную политику.

На *этапе становления педагогики активного долголетия* практически маркером выступает переход от отдельных программ к подготовке кадров и методологическому обеспечению: программы подготовки педагогов для работы с третьим возрастом, методология профессионального обучения граждан старшего возраста, сеть «серебряных» и возрастно-дружественных университетов, закрепление педагогических практик активного долголетия в национальном проекте «Продолжительная и активная жизнь».

Прикладная ценность классификации не сводится к исторической реконструкции. Выделенные этапы фиксируют не только последовательность, но и сосуществующие сегодня парадигмы: современное поле обучения старшего поколения неоднородно по глубине проникновения педагогики активного долголетия. Поэтому классификацию можно использовать синхронно – как типологический маркер, помещающий конкретный институт, программу или нормативный документ на шкалу от преимущественно биомедицинского, ресурсно-компенсаторного подхода к интегральной, междисциплинарной и средово-смысловой модели. Так, программа, сводящая активное долголетие к профилактике заболеваний и поддержанию базовой функциональной автономии, остается на ранних компенсаторных позициях, тогда как программа, проектирующая образовательную среду, смысловые и социальные ресурсы на протяжении всей жизненной траектории, реализует интегральную модель. Подобная диагностика определяет разрыв, зафиксированный далее в разделе «Обсуждение»: значительная часть актуальных практик по-прежнему тяготеет к компенсаторному полюсу, тогда как становление педагогики активного долголетия требует сдвига к полюсу интегральному.

Таким образом, гипотеза исследования получила теоретическое подтверждение: становление педагогики активного долголетия может быть представлено как последовательность этапов, качественно различающихся доминирующим дискурсом понимания старения, степенью институционализации образовательных практик и направлением зарубежной и отечественной траекторий. Выделенные этапы отражают переход от преимущественно биомедицинского и социально-геронтологического понимания успешности поздних этапов жизни к интегративной педагогической модели активного долголетия, в которой образование рассматривается как механизм формирования субъектности, социальной включенности и ресурсов здоровой продолжительной жизни.

Обсуждение

1. Педагогика активного долголетия как научное направление начала оформляться за рубежом и в России во 2-й половине XX в. на пересечении социальной и медицинской геронтологии, социальной психиатрии, психологии жизненного пути, антропологии, героогоники и формирующейся образовательной геронтологии. Базой для ее становления послужили за рубежом – теория непрерывности и политика непрерывного образования, концепция третьего возраста и социально-педагогический подход в геронтологии, а в отечественной науке – общая концепция обучения граждан старшего возраста. В зарубежной литературе понятие «педагогика активного долголетия» отсутствует, но сформировано смысловое поле для его появления.

2. За рубежом педагогика активного долголетия формируется на базе социальной геронтологии и политики непрерывного образования, а в России – на пересечении социальной и образовательной геронтологии, государственных инициатив и героогоники. Указанные различия отражают не только институциональный контекст, но и разные дисциплинарные истоки направления; вместе с тем обе традиции приходят к сходному пониманию роли образования в активном долголетии человека (рис. 1).

3. Рассмотрим ограничения, требующие переосмысления роли педагогики в формировании возможностей для активной и продолжительной жизни.

Преобладание адаптационно-компенсаторной направленности исследований в практико-ориентированных моделях обучения пожилых людей. Анализ литературы и образовательных практик показывает, что при наличии разработанных концепций успешного, продуктивного старения и концепции третьего возраста значительная часть сложившихся в XX – начале XXI в. практико-ориентированных и институциональных моделей обучения пожилых людей реализуется преимущественно в логике компенсации возрастных ограничений, профилактики социальной изоляции и поддержания базовой функциональной автономии. Образовательные программы в данных моделях часто выполняют адаптационную функцию, предназначенную для облегчения повседневной жизни, снижения рисков уязвимости и повышения безопасности и комфорта

в позднем возрасте. При всей значимости данных подходов для поддержания качества жизни такая их направленность неявно закрепляет поздний возраст прежде всего как период утрат, а педагогическое воздействие – как средство сглаживания последствий старения. В результате потенциал поздней жизни как этап развития, творчества, самореализации и социального вклада, выделяемый в современных социокультурных концепциях старения, недостаточно представлен на уровне целей и ожидаемых результатов образовательных практик в сфере обучения пожилых людей активному долголетию.

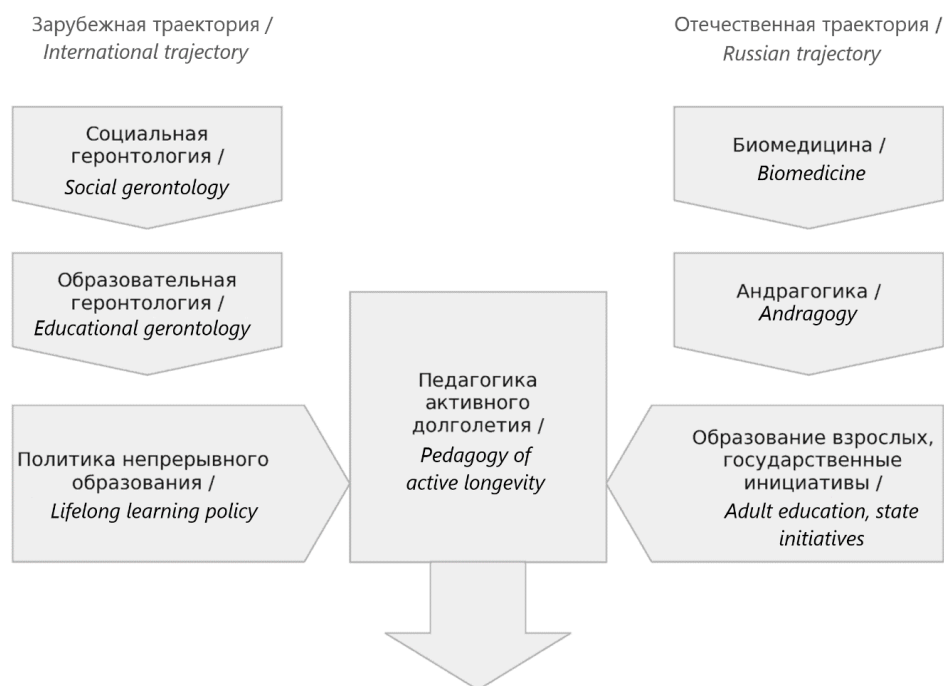

Рис. 1. Траектории становления педагогики активного долголетия в зарубежной и отечественной науке

Fig. 1. Trajectories of the development of the pedagogy of active longevity in international and Russian scholarship

Недостаточная педагогическая разработанность идеи позднего возраста как продуктивного и ресурсного периода в жизнедеятельности человека. В международных и отечественных источниках представлены в основном социологические концепции продуктивного, успешного старения и третьего возраста, однако их педагогическая интерпретация четко не обозначена и фрагментарна. Образовательные практики чаще всего ориентируются на хобби, рек-

реацию или досуговую занятость, тогда как современные демографические и общественные тенденции требуют признания позднего возраста временем новых социальных ролей, гражданской и профессиональной самореализации, наставничества и межпоколенческого взаимодействия. Отсутствует концептуальная модель педагогики активного долголетия, связывающая продуктивность и творческий характер позднего возраста с целенаправленным формированием смысловой устойчивости и жизненной стратегии.

Существующие в сфере активного долголетия образовательные модели ориентированы на лиц старше 60 лет. Традиционная геронгогическая практика преимущественно сосредоточена на обучении пожилых людей без учета того, что ключевые детерминанты долгой и активной жизни (физическая культура, саморегуляция, стрессоустойчивость, социальный капитал, способность к обучению, ценностные и мотивационные установки) формируются на протяжении всего взрослого периода. Современные исследования в сфере старения человека указывают на необходимость перехода от педагогики «сопровождения пожилых» к педагогике активного долголетия, принимающей во внимание всю жизненную траекторию индивида; к педагогике, где активное долголетие выступает результатом долгосрочных образовательных воздействий, закладываемых задолго до наступления пожилого возраста.

Недостаточная концептуализация продления активной жизни как педагогической цели. Несмотря на то что международные стратегические документы (ВОЗ, ООН) прямо обозначают увеличение продолжительности здоровой и активной жизни как приоритет, в педагогической литературе данная цель все еще слабо концептуализирована. Образование традиционно рассматривается как инструмент развития личности и повышения качества жизни, однако редко – как фактор формирования долгосрочной жизненной траектории, ориентированной на сохранение функционального, социального и смыслового потенциала человека на протяжении всего жизненного пути. Соответственно педагогика активного долголетия должна быть сфокусирована не только на поддержании качества жизни в позднем возрасте, но и на более широкой цели – на управлении продолжительностью активной жизни и на ее смысловом наполнении. Отсутствует концептуальная модель педагогики активного долголетия, связывающая образовательную среду, образ жизни, ценностно-смысловые ориентации, социальную и экономическую активность человека с длительностью его активного жизненного периода и с сохранением субъектности в поздние годы.

Недостаточная интеграция средовых, инфраструктурных и социокультурных факторов. Международная повестка active ageing (активное старение) подчеркивает определяющую роль социальной инфраструктуры, городской среды, культурных норм и политики обеспечения активного долголетия, но педагогика взрослых в целом и геронгогика в частности рассматривают данные аспекты фрагментарно. По нашему мнению, именно среда (социальная, культурная, организационная, образовательная) является важнейшим педаго-

гическим агентом, формирующим возможности, ограничения и установки на протяжении всего жизненного пути индивида. Отсутствие интеграции в анализе индивидуального и средового уровней препятствует созданию целостной теории, объясняющей взаимодействие институциональных условий с культурно-образовательными практиками с целью поддержания активной жизни индивида, и становлению педагогики активного долголетия.

Таким образом, перечисленные ограничения свидетельствуют о необходимости формулирования концептуальных основ педагогики активного долголетия как новой научной отрасли педагогики, ориентированной не только на сопровождение пожилых людей, но и на формирование у человека предпосылок к продолжительной и активной жизни на протяжении всего взрослого периода.

В настоящее время в России имеется государственная и социальная потребность в становлении педагогики активного долголетия и подготовки педагогов новой квалификации в данной сфере.

Конкретным шагом в этом направлении может стать разработка программ дополнительного профессионального образования «Педагогика активного долголетия», включающих модули: теоретико-методологические основы педагогики активного долголетия; геронгогические принципы и технологии проектирования образовательных программ; формирование здоровьесберегающих и цифровых компетенций в старшем возрасте; проектирование возрастно-дружественной образовательной среды; организацию наставничества и межпоколенческого взаимодействия. Такие программы могут быть ориентированы на педагогических, социальных, медицинских и других специалистов, вовлеченных в работу с людьми старшего возраста.

Заключение

Концептуализация научных знаний на междисциплинарной основе позволяет рассматривать проблему активного долголетия как педагогическую задачу, нацеленную на сохранение здоровья, социальной включенности, смысловой устойчивости и жизненной стратегии старшего поколения, а также на создание благоприятной для активного долголетия среды, культуры и социальных институтов. Соответственно, это открывает возможность осмысливать поздний возраст не как период компенсации, а как полноценный и продуктивный этап человеческой жизни, требующий самостоятельного педагогического сопровождения.

Результаты выполненного нами исследования позволяют подвести следующие итоги.

1. На основании данных анализа генезиса педагогики активного долголетия в России и за рубежом установлено, что понятие «педагогика активного долголетия» в зарубежных источниках отсутствует, а термин «активное долголетие» в России впервые появляется в научно-популярной литературе в 70-х гг. XX в.

2. Анализ степени разработанности проблемы педагогики активного долголетия с междисциплинарных позиций показал, что за рубежом данное направление формируется на базе социальной геронтологии и концепции непрерывного образования; в России же оно зарождается на базе биомедицинских концепций, а в дальнейшем основывается на концепции социальной и образовательной геронтологии, на государственных инициативах и практиках образования лиц третьего возраста.

3. Выявленные в литературе методологические и концептуальные ограничения позволяют рассматривать педагогику активного долголетия как самостоятельное направление педагогики взрослых. В ее основе лежит представление о том, что активная долгая жизнь является не только следствием биологических и социальных процессов, но и педагогическим феноменом, формирующимся на протяжении всего взрослого жизненного пути. В отличие от традиционных подходов, ориентированных преимущественно на сопровождение пожилых групп и компенсацию возрастных утрат, предлагается трактовать педагогику активного долголетия как систему превентивных, развивающих и стратегических воздействий, обеспечивающих накопление человеческого потенциала для позднего возраста.

4. Предложена классификация этапов становления педагогики активного долголетия. Предпосылочный этап: появление биомедицинских и социально-геронтологических оснований педагогики активного долголетия (конец XIX в. – 1970-е гг.). Этап оформления образования позднего возраста как специального поля и предмета педагогики активного долголетия (1970-е – конец 1990-х гг.). Интегративный этап: соединение политики активного долголетия и образования человека старшего возраста (2000–2010-е гг.). Этап становления педагогики активного долголетия как новой отрасли педагогического научного знания (2010-е гг. – по настоящее время).

Как видим, в России и за рубежом идет планомерный процесс становления педагогики активного долголетия. На появление и развитие данного феномена вначале обратили внимание социологи, а затем к ним присоединились психологи, изучающие возрастные особенности человека, и медицинское сообщество, занимающееся превентивной деятельностью в сфере физического и психического здоровья.

Становление педагогики активного долголетия можно рассматривать как социальный заказ на повышение качества жизни стареющего человека. Перспектива изучения феномена педагогики активного долголетия видится в методологическом и технологическом ее обосновании и требует проведения дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Van Dyk S. The appraisal of difference: critical gerontology and the active-ageing-paradigm. *Journal of Aging Studies*. 2014;31:93–103. doi:10.1016/j.jaging.2014.08.008

2. Keating N. A research framework for the United Nations Decade of healthy ageing (2021–2030). *European Journal of Ageing*. 2022;19(3):775–787. doi:10.1007/s10433-021-00679-7
3. Wahl H.-W., Oswald F. Environmental perspectives on ageing. In: Dannefer D., Phillipson C., eds. *The SAGE Handbook of Social Gerontology*. London: SAGE Publications; 2010:111–124. doi:10.4135/9781446200933.n8
4. Findsen B., Formosa M. *Lifelong Learning in Later Life: A Handbook on Older Adult Learning*. Rotterdam: Sense Publishers; 2011. 218 p. doi:10.1007/978-94-6091-651-9
5. Formosa M. Critical educational gerontology: a third statement of first principles. *International Journal of Education and Ageing*. 2011;2(1):317–332. Accessed January 16, 2026. <https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/1208>
6. Formosa M. Four decades of universities of the third age: past, present, future. *Ageing & Society*. 2014;34(1):42–66. doi:10.1017/S0144686X12000797
7. Zohar A., Shavit Y. Bridging geragogy and pedagogy: rowards a learning-sciences-based approach to older adults' education. *Educational Gerontology*. 2025 (online first). doi:10.1080/03601277.2025.2569386
8. Balyasnikova N., Markowski M., Vseteckova J. Learning in the United Nations decade of healthy ageing: insights from Canada and the UK. *Journal of Global Ageing*. 2025;2(1):98–116. doi:10.1332/29767202Y2025D000000024
9. Никипорец-Такигава Г.Ю. Университеты третьего возраста в российской высшей школе: проблемное поле. *Университетское управление: практика и анализ*. 2022;26(1):42–53. doi:10.15826/umpra.2022.01.003
10. Концепция политики активного долголетия: научно-методологический доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Л.Н. Овчарова, М.А. Морозова, А.В. Сидоренко [и др.]. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики; 2020. 40 с. Режим доступа: <https://publications.hse.ru/books/364905820> (дата обращения: 16.01.2026).
11. Калачикова О.Н., Короленко А.В., Нацун Л.Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023;1(173):20–45. doi:10.14515/monitoring.2023.1.2209
12. Синявская О.В., Червякова А.А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022;5(171):94–121. doi:10.14515/monitoring.2022.5.2043
13. Евсеева Я.В. Успешное старение: история и современность. *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2017;3/4(30/31):130–140.
14. Головей Л.А., Стрижицкая О.Ю., Криулина А.В. Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход. *Психологические исследования*. 2014;7(36):9. doi:10.54359/ps.v7i36.607
15. Будякова Т.П., Пронина А.Н., Антипина Е.А. Стратегии жизни в пожилом возрасте. *Психология и психотехника*. 2024;(2):98–113. doi:10.7256/2454-0722.2024.2.70478
16. Черниговская Т.В. *Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание*. Москва: Языки славянской культуры; 2013. 448 с.
17. Роботова А.С. Люди третьего возраста как субъекты непрерывного образования: методология и основные направления изучения. *Непрерывное образование: XXI век*. 2014;4(8):1–18. doi:10.15393/j5.art.2014.2643
18. Джуринский А.Н. Образование в «третьем возрасте» в России. *Образование и наука*. 2018;20(10):156–175. doi:10.17853/1994-5639-2018-10-156-175

19. Гордина О.В., Гордин А.И. Неформальное образование представителей старшего поколения как фактор их активного долголетия. *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2021;6(3):349–356. doi:10.30853/ped210069
20. Кононыгина Т.М. *Герагогика: пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей*. Орел: Красная строка; 2006. 166 с.
21. Ильницкий А.Н., Прощаев К.И., Бессарабов В.И. Современный взгляд на проблемы геронгогики. *Геронтология*. 2013;1(2):102–112. Режим доступа: <http://gerontology.esrae.ru/2-13> (дата обращения: 16.01.2026).
22. Сорокин Г.Г. *Геронтообразование в России. Социологический анализ: монография*. Тюмень: ТюмГНГУ; 2011. 200 с.
23. Сувилова А.Ю. Практики подготовки педагогических работников для системы обучения лиц третьего (старшего) возраста в России и за рубежом. *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2025;10(9):1345–1352. doi:10.30853/ped20250161
24. Резер Т.М. Методология организации профессионального обучения граждан старшего возраста: общая концепция. *Образование и наука*. 2021;23(4):11–42. doi:10.17853/1994-5639-2021-4-11-42
25. Зборовский Г.Е. Социальная общность людей «третьего возраста»: понятие, структура, функции. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2019;2(59):9–19. doi:10.26105/SSPU.2019.59.2.001
26. Касьянова Т.И., Воронина Л.И., Резер Т.М. Образовательный потенциал российских граждан пожилого возраста. *Образование и наука*. 2020;22(2):121–142. doi:10.17853/1994-5639-2020-2-121-142
27. *Педагогика взрослых: организация профессионального обучения граждан старшего возраста : монография / Л.И. Воронина, Т.И. Касьянова, Т.Е. Радченко [и др.]; под общ. ред. Т.М. Резер*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2020. 248 с.
28. Голубева Е.Ю., Соловьёв А.Г. План Декады здорового старения 2020–2030 Всемирной организации здравоохранения: обзор концепций политики в контексте развития геронтологии. *Экология человека*. 2023;30(7):499–508. doi:10.17816/humeco568625

References

1. Van Dyk S. The appraisal of difference: critical gerontology and the active-ageing-paradigm. *Journal of Aging Studies*. 2014;31:93–103. doi:10.1016/j.jaging.2014.08.008
2. Keating N. A research framework for the United Nations Decade of healthy ageing (2021–2030). *European Journal of Ageing*. 2022;19(3):775–787. doi:10.1007/s10433-021-00679-7
3. Wahl H.-W., Oswald F. Environmental perspectives on ageing. In: Dannefer D., Phillipson C., eds. *The SAGE Handbook of Social Gerontology*. London: SAGE Publications; 2010:111–124. doi:10.4135/9781446200933.n8
4. Findsen B., Formosa M. *Lifelong Learning in Later Life: A Handbook on Older Adult Learning*. Rotterdam: Sense Publishers; 2011. 218 p. doi:10.1007/978-94-6091-651-9
5. Formosa M. Critical educational gerontology: a third statement of first principles. *International Journal of Education and Ageing*. 2011;2(1):317–332. Accessed January 16, 2026. <https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/1208>
6. Formosa M. Four decades of universities of the third age: past, present, future. *Ageing & Society*. 2014;34(1):42–66. doi:10.1017/S0144686X12000797
7. Zohar A., Shavit Y. Bridging geragogy and pedagogy: rowards a learning-sciences-based approach to older adults' education. *Educational Gerontology*. 2025 (online first). doi:10.1080/03601277.2025.2569386

8. Balyasnikova N., Markowski M., Vseteckova J. Learning in the United Nations decade of healthy ageing: insights from Canada and the UK. *Journal of Global Ageing*. 2025;2(1):98–116. doi:10.1332/29767202Y2025D000000024
9. Nikiporets-Takigava G.Yu. Universities of the third age in Russian higher education: a problem field. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2022;26(1):42–53. (In Russ.) doi:10.15826/umpa.2022.01.003
10. Ovcharova L.N., Morozova M.A., Sidorenko A.V., et al. *Koncepcija politiki aktivnogo dolgoletija: nauchno-metodologicheskij doklad k XXI Aprel'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitiya jekonomiki i obshhestva = Active Longevity Policy Concept: A Scientific and Methodological Report for the XXI April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2020. 40 p. (In Russ.) Accessed January 16, 2026. <https://publications.hse.ru/books/364905820>
11. Kalachikova O.N., Korolenko A.V., Natsun L.N. Theoretical and methodological foundations of active longevity research. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;1(173):20–45. (In Russ.) doi:10.14515/monitoring.2023.1.2209
12. Sinyavskaya O.V., Chervyakova A.A. Active longevity in Russia under economic stagnation: what does the dynamics of the active ageing index show? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;5(171):94–121. (In Russ.) doi:10.14515/monitoring.2022.5.2045
13. Evseeva Ya.V. Successful ageing: history and the present. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty = Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2017;3/4(30/31):130–140. (In Russ.)
14. Golovey L.A., Strizhitskaya O.Yu., Kryulina A.V. Positive functioning of personality in older age: a comprehensive approach. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*. 2014;7(36):9. (In Russ.) doi:10.54359/ps.v7i36.607
15. Budyakova T.P., Pronina A.N., Antipina E.A. Strategies for living in old age. *Psikhologiya i psikhotehnika = Psychology and Psychotechnics*. 2024;(2):98–113. (In Russ.) doi:10.7256/2454-0722.2024.2.70478
16. Chernigovskaya T.V. *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie = Schrödinger's Cat's Cheshire Smile: Language and Consciousness*. Moscow: Publishing House Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2013. 448 p. (In Russ.)
17. Robotova A.S. People of the third age as subjects of lifelong learning: methodology and key directions of research. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek = Lifelong Education: XXI Century*. 2014;4(8):1–18. (In Russ.) doi:10.15393/j5.art.2014.2643
18. Dzhurinskiy A.N. Education in the “third age” in Russia. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2018;20(10):156–175. (In Russ.) doi:10.17853/1994-5639-2018-10-156-175
19. Gordina O.V., Gordin A.I. Non-formal education of older adults as a factor of their active longevity. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Issues of Theory and Practice*. 2021;6(3):349–356. (In Russ.) doi:10.30853/ped210069
20. Kononygina T.M. *Geragogika: posobie dlya tekhn, kto zanimaetsya obrazovaniem pozhilykh lyudei = Geragogy: A Guide for Those Engaged in Educating Older Adults*. Orel: Publishing House Krasnaya stroka; 2006. 166 p. (In Russ.)
21. Ilnitskiy A.N., Proshchaev K.I., Bessarabov V.I. A contemporary view on geragogy-related issues. *Gerontologiya = Gerontology*. 2013;1(2):102–112. (In Russ.) Accessed January 16, 2026. <http://gerontology.esrae.ru/2-13>
22. Sorokin G.G. *Gerontoobrazovanie v Rossii. Sotsiologicheskii analiz = Gerontological Education in Russia. Sociological Analysis*. Tyumen: TyumGNGU; 2011. 200 p. (In Russ.)

23. Suvirova A.Yu. Practices of training teaching staff for education of third-age (older) learners in Russia and abroad. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Issues of Theory and Practice*. 2025;10(9):1345–1352. (In Russ.) doi:10.30853/ped20250161
24. Rezer T.M. Methodology for organizing vocational training for older citizens: a general concept. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2021;23(4):11–42. (In Russ.) doi:10.17853/1994-5639-2021-4-11-42
25. Zborovskiy G.E. Social community of “third-age” people: concept, structure, functions. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2019;2(59):9–19. (In Russ.) doi:10.26105/SSPU.2019.59.2.001
26. Kasyanova T.I., Voronina L.I., Rezer T.M. Educational potential of older Russian citizens. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2020;22(2):121–142. (In Russ.) doi:10.17853/1994-5639-2020-2-121-142
27. Voronina L.I., Kasyanova T.I., Radchenko T.E., Rezer T.M., et al. *Pedagogika vzroslykh: organizatsiya professional'nogo obucheniya grazhdan starshego vozrasta = Adult Pedagogy: Organizing Vocational Training for Older Citizens*. Ekaterinburg: Ural university; 2020. 248 p. (In Russ.)
28. Golubeva E.Yu., Solovyev A.G. WHO Decade of Healthy Ageing 2020–2030 plan: a review of policy concepts in the context of gerontological research. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*. 2023;30(7):499–508. (In Russ.) doi:10.17816/humeco568625

Информация об авторах:

Резер Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-4793-9918. E-mail: t.m.rezer@urfu.ru

Клюев Максим Алексеевич – кандидат юридических наук, независимый исследователь, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0009-0000-9643-7992. E-mail: max.klyuev@gmail.com

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в исследовательскую работу.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 18.04.2026; поступила после рецензирования 21.07.2026; принята к публикации 05.08.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Tatyana M. Rezer – Dr. Sci. (Education), Professor, Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0002-4793-9918. E-mail: t.m.rezer@urfu.ru

Maksim A. Klyuev – Cand. Sci. (Law), Independent Researcher, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0009-0000-9643-7992. E-mail: max.klyuev@gmail.com

Contribution of the authors. The authors contributed equally to this research.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 18.04.2026; revised 21.07.2026; accepted for publication 05.08.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.